

Moon Bell

Кайл и лес, которого нет

Moon Bell

Кайл и лес, которого нет

«Автор»

2026

Bell M.

Кайл и лес, которого нет / М. Bell — «Автор», 2026

Кайл Брайант не искал магию. Он просто хотел, чтобы родители перестали ссориться, а одноклассники — дразнить. Но однажды, убегая после драки, он шагнул в лес, которого не было на карте. Лес оказался живым — он шептал, менял тропы, выбирал своих героев. Здесь Кайл встретил Лиру — девочку-фею, такую же одинокую, как он. Чтобы вернуться домой, ему предстоит пройти три испытания и принять свою самую тёмную сторону. Сможет ли он простить тех, кто сделал его таким, и поверить, что любовь сильнее страха?

Содержание

Глава 1. Тот, кто бежит	5
Глава 2. Гриб, который не съедают	11
Глава 3. Изгнанница и задира	17
Глава 4. Два одиночества	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Moon Bell

Кайл и лес, которого нет

Глава 1. Тот, кто бежит

В тот день Кайл ударил Мэтта Флинна не потому, что тот сказал про его маму. Он ударил его потому, что Мэтт оказался прав.

— Твоя мамаша тебя ненавидит, — прошипел Мэтт, прижимаясь спиной к шкафчикам. Его веснушчатое лицо расплылось в мерзкой улыбке. — Она же даже не пришла на родительское собрание. Опять запила, да?

Кайл не думал. Кулак сам собой сжался, плечо дёрнулось, и костяшки встретились с переносицей Мэтта с таким хрустом, который в кино всегда звучит громче, чем в жизни. Мэтт взвыл, схватился за лицо, и из-под его пальцев потекла кровь — яркая, пугающе настоящая. Кайл смотрел на неё и почему-то вспоминал кетчуп, который пролился на скатерть в прошлый четверг. Мама тогда не ругалась. Она просто убрала тряпкой и ничего не сказала. Вообще ничего. Как будто Кайл был невидимкой.

— Псих! — заорал Мэтт, и его приятели, два таких же долговязых идиота, сгрудились вокруг, но бить не решались. Они боялись Кайла. Все боялись Кайла, потому что он дрался грязно и без предупреждения. Он сам не знал, откуда в нём эта злость. Она сидела где-то под рёбрами, как свернувшийся колючий ёж, и стоило кому-то задеть нужную струну — ёж распрямлял иглы.

Учительница мисс Палмер прибежала через три секунды. Как она всегда успевала к концу драки, но никогда — к началу, было загадкой круче, чем Бермудский треугольник.

— Кайл Брайант! — её голос пробивал бетонные стены. — В кабинет директора! Живо!

Кайл вытер костяшки о джинсы. Кровь размазалась грязной полосой, и он почувствовал, как в горле встаёт ком — не от страха, а от той самой дурацкой обиды, которую он никогда не показывал. Он молча подхватил рюкзак, но вместо того чтобы повернуть к директорскому крылу, рванул к выходу.

— Кайл! — заверещала мисс Палмер за спиной. — Я звоню твоей матери!

— Звоните! — крикнул он, уже вылетая в коридор. — Ей всё равно! — голос сорвался, и он ненавидел себя за эту дрожь.

Стеклянные двери школы хлопнули, впуская холодный октябрьский ветер, который пах асфальтом и опавшей листвой. Кайл побежал. Он не знал, куда. Просто ноги сами несли его прочь от этого здания, где стены помнили все его двойки, все его драки и все его попытки объяснить, что он не злой, — просто, когда мама молчит, внутри становится так тесно, что хочется разбить что-нибудь головой.

Он свернул за угол школы, потом ещё один, миновал забор, за которым начинался старый парк. Но парк был слишком чистым, слишком ухоженным — там гуляли мамы с колясками и пенсионеры с собачками. Они тоже смотрели на него как на проблему. Кайл ненавидел эти взгляды. Он хотел, чтобы его оставили в покое. Чтобы никто не говорил о его семье, не перешёптывался, не спрашивал, почему его папа живёт в другом районе и приезжает только по субботам с игрушками, которые Кайл уже перерос, и с вопросами «Ну что, мама опять не даёт тебе сладкого?» — будто мама была злодейкой из сказки. А папа при этом гладил его по голове и шептал: «Ты мой хороший, я тебя заберу, вот увидишь». Кайл любил папу. И ненавидел себя за то, что любил маму сильнее. И ненавидел маму за то, что она не улыбалась, когда смотрела на него. Или она улыбалась? Он уже перестал различать.

Он бежал, пока в груди не закололо, и только тогда остановился, опершись о какую-то железную ограду. Рядом была автобусная остановка, но он не хотел в автобус. Хотел просто провалиться сквозь землю. И тут он заметил за оградой — там, где, казалось, должна быть стена жилого комплекса, — узкий просвет между ржавыми листами металла. Щель была настолько узкой, что любой нормальный человек даже не посмотрел бы в неё. Но Кайл был тощим и злым, и ему было наплевать.

Он протиснулся боком, рюкзак застрял, он дёрнул его, порвав лямку, и провалился в темноту. Прошёл несколько шагов по мокрой траве — и вдруг понял, что неба больше нет. Вместо него — сплетённые ветви, такие густые, что солнечный свет пробивался сквозь них редкими серебряными иглами. Воздух стал сырым, тягучим, пахло мхом и чем-то сладковато-гнилым, как переспевшая груша.

Лес.

Кайл замер. Он знал этот район — здесь не должно быть леса. Только бетон, магазины, парковка. Но он стоял в лесу, и деревья вокруг были такими старыми, что их корни вспучивали землю, как вены на руке у бабушки, которая умерла, когда ему было четыре. Он вдруг вспомнил, что бабушка носила серебряное кольцо с каким-то странным знаком — завитушкой, похожей на папоротник. Мама хранила это кольцо в шкапулке. Кайл однажды украдкой посмотрел на него, но не придал значения.

Лес дышал. Это не было метафорой. Кайл слышал — отчётливо — как ветки шевелятся, будто лёгкие, а земля под ногами слегка пульсирует. Он сделал шаг, и сухая ветка хрустнула так громко, что у него заложило уши. Стволы деревьев были покрыты чешуйками, похожими на рыбью чешую, и они мерцали, когда на них падал свет, хотя солнца не было.

— Эй, — сказал Кайл в пустоту. Голос прозвучал сипло. — Я заблудился?

Никто не ответил. Но что-то изменилось. Тени вокруг него начали сдвигаться — не потому, что он двигался, а сами по себе. Они вытягивались и сокращались, как пальцы, перебирающие струны. Кайл почувствовал, как затылок покрывается мурашками. Он покрутился на месте, но все тропинки выглядели одинаково — узкие, заваленные валежником, уходящие в зелёный сумрак.

— Слушайте, — сказал он громче. — Я просто хочу выйти к дороге. Где тут дорога?

Молчание. Лес не шумел. Не было ни птиц, ни ветра. Только его собственное тяжёлое дыхание и тот странный, ритмичный звук — бум... бум... — как будто под землёй работал огромный насос.

Кайл решил идти прямо. Он не был трусом. Он дрался с Мэттами и не боялся крови, так почему он должен бояться каких-то деревьев? Он сжал кулаки и шагнул вперёд. Корни тут же вылезли из-под земли — острые, сучковатые, они переплелись прямо перед ним, преграждая путь. Кайл чуть не споткнулся, выругался и обошёл их. Следующая коряга взметнулась ещё выше, царапнула его по щеке. Он отшатнулся, провёл рукой по лицу — на пальцах осталась липкая влага, но не кровь, а что-то прозрачное, пахнущее мятой.

— Да что вы, в самом деле! — рявкнул он. — Я просто прошёл мимо! Я не хотел сюда лезть!

Корни успокоились, но ветки над головой вдруг вздрогнули, и с них посыпалась мелкая белая пыльца. Она осела на его волосах, на рюкзаке, на джинсах. Пыльца была холодной, как снег, и от неё начинало покалывать кожу. Кайл чихнул, потом ещё раз, и в этот момент ему показалось, что кто-то смеётся. Смех шёл отовсюду — и из трещин в коре, и из кустов, и даже из-под земли. Он был похож на шелест сухих листьев, но в нём угадывались интонации — насмешливые, злые, почти человеческие.

— Кто здесь? — крикнул Кайл, разворачиваясь волчком. — Выходи! Я не боюсь!

Он врал, и лес знал это. Ветви вдруг сомкнулись над ним, как ладони, загораживая последний клочок серого неба. Стало почти темно. Только кое-где светились гнилушки — они горели тусклым зелёным огнём, и в этом свете тени прыгали как бешеные.

Кайл хотел позвать на помощь, но слова застряли в горле. Он почувствовал, как земля под ногами становится зыбкой, как болото. Корни больше не просто лезли из земли — они шевелились, как щупальца, скользили по его кроссовкам, пытаясь обхватить лодыжки. Кайл дёрнулся, упал, вскочил и побежал. Он бежал не разбирая дороги, и каждый шаг давался всё труднее — ноги увязали в мягкой, податливой почве, которая пахла железом и прелью.

— Ну и не надо! — выкрикнул он в отчаянии, продираясь сквозь колючий куст, который оставил на его руках длинные царапины. — Пусть хоть весь лес сторит! Мне всё равно! Я просто хочу домой!

Но слова «домой» он произнёс тише, чем хотел. Потому что дом — это мама, которая сидит на кухне с чашкой остывшего чая и смотрит в стену. Она не злилась на него, не кричала, не наказывала. Она просто... отсутствовала. Когда папа ушёл, она будто выключила звук, и теперь Кайл жил в немом фильме, где он сам был единственным актёром, а все остальные — декорациями. Он дрался в школе не потому, что хотел зла. Он просто хотел услышать хоть какой-то голос. Даже крик. Даже ненависть. Лишь бы не это ватное молчание.

Лес, казалось, услышал его мысли. Ветки разомкнулись, и он увидел впереди просвет — поляну, залитую неестественно ярким, почти фосфорным светом. Кайл бросился туда, спотыкаясь о корни, и вылетел на открытое пространство. Здесь трава была синей, а по краям росли грибы — огромные, в рост человека, с шляпками, переливающимися всеми цветами радуги.

Кайл замер. Он никогда не видел ничего подобного. Даже в книжках с картинками, которые мама читала ему перед сном, когда ещё читала.

— Красиво, да? — раздался голос прямо у него за спиной.

Кайл подпрыгнул и обернулся. Никого. Гриб слева от него шевельнулся? Или это просто игра света? Он вгляделся в темноту между стволов и ничего не увидел, но смех повторился — на этот раз ближе, почти над ухом.

— Кто ты? — спросил Кайл, и голос его дрогнул. — Покажись!

— А ты зачем пришёл? — ответил голос, и он был скрипучим, как старая дверь, но в нём слышалась усмешка. — Маленький колючка.

Кайл сжал зубы. Колючка. Это слово обожал Мэтт. Он называл Кайла «ёжиком» за то, что тот всегда был на взводе. Кайл ненавидел это прозвище.

— Я не колючка, — огрызнулся он. — Я просто... я не знал, что тут лес. Я хочу выйти.

— Выйти? — голос захихикал, и несколько светлячков вылетели из-под гриба, закружились, образуя спираль. — Ты уже внутри, мальчик. Внутри и не выйдешь, пока не сыграешь.

— Никаких игр! — отрезал Кайл. — Мне нужно к маме!

— К ма-а-а-ме, — передразнил голос. — А она тебя ждёт? Она вообще знает, где ты?

Этот вопрос попал в больное место. Кайл отвернулся, чтобы скрыть лицо, но предательские слёзы уже жгли глаза. Он не дал им пролиться. Он никогда не плакал. За последние полгода — ни разу. Даже когда разбили телефон, который подарил папа, и мама просто выбросила осколки в мусорку, не сказав ни слова.

— Не твоё дело, — выдавил он.

И тогда лес замолк. Совсем. Даже пульсация под землёй прекратилась. Стало тихо до звона в ушах. Кайл стоял один посреди синей поляны, под разноцветными грибами, и чувствовал, как странная пыльца на его коже начинает гореть. Он посмотрел на руки — они светились серебряными узорами, которые вились по запястьям, как татуировки, которых он никогда не делал.

— Что это? — прошептал он.

И тут земля под ним разверзлась.

Это произошло так быстро, что он не успел даже вскрикнуть. Корни, которые до этого просто шевелились, теперь взметнулись вверх, образовав гигантский колодец, и Кайл рухнул вниз, кувыкаясь в ворохе влажных листьев и червей. Он ударился плечом о что-то твёрдое, потом головой, и перед глазами всё поплыло зелёными пятнами. Рюкзак куда-то вылетел. Он чувствовал, как падает, падает, падает, и в ушах свистел воздух, смешанный с тем же насмешливым шелестом.

Удар. Он приземлился на что-то мягкое — на подушку из мха, которая оказалась на дне круглой ямы. Стены ямы были сплошь переплетены корнями, и все они светились тем же холодным серебром, что и его руки. Кайл лежал, сжимая зубы, чтобы не закричать от боли в плече. Он попытался встать, но корни вокруг него начали смыкаться, как прутья клетки.

— Отпустите меня! — заорал он, пиная стену ногой. Корень качнулся, но не сломался. Он был твёрдым, как сталь.

И тут голос вернулся. Теперь он звучал отовсюду — сверху, снизу, из самого сердца этого корневого лабиринта.

— Зачем пришёл, маленький колючка? — произнёс он медленно, смакуя каждое слово. — Ты думал, что убежишь от своих проблем? Лес не любит таких, как ты. Лес любит только тех, кто готов остаться.

Кайл обхватил себя руками, чтобы перестать дрожать. Он был напуган по-настоящему, впервые за долгое время. Но внутри него что-то — та самая колючая злость — заворчалось и выпрямило иглы.

— Я никуда не собираюсь оставаться! — крикнул он в темноту. — Слышишь? Я уйду! Я всегда уйду!

В ответ раздался смех — долгий, многоголосый, от которого по стенам побежали трещины.

— Посмотрим, — сказал голос, и светлячки, кружившие над головой Кайла, погасли все до одного.

Он остался в полной черноте. Только его собственные руки слабо светились серебряной вязью, и этот свет отражался от корней, рисуя на них причудливые тени, похожие на лица.

Кайл зажмурился, сжал кулаки и прошептал сквозь стиснутые зубы:

— Я всё равно вернусь домой. Мама... она просто молчит, но она меня любит. Я знаю.

Но когда он открыл глаза, перед ним, прямо в центре корневой стены, проступил символ — завитушка папоротника, точно такая же, как на бабушкином кольце. И символ этот горел ярко-золотым, нестерпимо ярко.

Кайл открыл рот, чтобы спросить, что это значит, но вместо слов из горла вырвался только хрип.

Лес ответил ему не голосом, а дрожью, которая прошла по корням снизу вверх, и в этой дрожи Кайл почувствовал странную уверенность: лес знает его бабушку. Лес ждал его.

И это было страшнее, чем все Мэтты Флинны, все директора и все родительские собрания вместе взятые.

Сверху сыпалась земля. Кайл поднял голову — яма стала глубже, и выхода не было видно. Он был в ловушке. И он понял, что никто, даже мама, не знает, где он.

— Ну и ладно, — сказал он в пустоту, и голос его прозвучал почти спокойно. — Тогда я сам разберусь.

И в этот миг лес словно усмехнулся в ответ — негромко, зловеще, но в этой усмешке вдруг слышалось что-то похожее на одобрение.

Глава 2. Гриб, который не съедают

Кайл не знал, сколько времени прошло. В полной темноте время превращается в липкую жвачку — тянешь, тянешь, а конца не видно. Он сидел, привалившись спиной к корням, и чувствовал, как его руки пульсируют серебряным светом. Каждый раз, когда он шевелил пальцами, узоры переливались, будто жидкий металл под кожей. Это было красиво. И жутко.

— Так, — сказал он себе вслух, потому что молчать становилось невыносимо. — Я в яме. В лесу, которого нет на карте. У меня светятся руки. Что дальше?

Он попытался встать, но плечо, которое он ушиб при падении, стрельнуло острой болью, и он снова осел на мох. Кайл зашипел сквозь зубы и пошарил рукой по стене. Корни были гладкими и тёплыми — как батарея зимой. Странно. В лесу должно быть холодно, особенно в октябре. Но здесь воздух был влажным и парным, как в теплице.

— Эй! — крикнул он. — Есть кто живой?

Тишина. Потом сверху посыпалось что-то мелкое и сухое — земля, листья, а может, тот самый светящийся грибной прах. Кайл зажмурился, чтобы не попало в глаза, и вдруг услышал звук, похожий на шелест крыльев. Только крылья были слишком большими — не птичьи, а скорее... как у огромного мотылька. Звук приближался, и Кайл вжался в корни, готовясь к чему угодно.

Сверху, из отверстия ямы, спустилась ветка. Сама собой. Она изогнулась вниз, как чей-то палец, и коснулась его лба. Кайл дёрнулся, но ветка была мягкой, почти нежной. И в тот же миг узоры на его руках вспыхнули ярче, и корни, которые перегораживали выход, начали медленно расходиться, как шторы на утреннем спектакле.

— Это что, тест? — пробормотал Кайл, с трудом поднимаясь. Плечо ныло, но он заставил себя не обращать внимания. — Ладно. Я прошёл. Выпускайте.

Корни разошлись окончательно, и перед ним открылся узкий лаз, уходящий вверх под углом. Кайл полез на четвереньках, хватаясь за выступы, которые тут же сами подставлялись под его ладони. Свет становился ярче с каждым метром, и когда он наконец вывалился наружу, на ту же синюю поляну, то чуть не рассмеялся от облегчения.

Он был снаружи. Свободен.

Но свобода оказалась обманчивой.

Поляна теперь выглядела иначе. Грибы, которые раньше стояли по краям, сдвинулись ближе к центру и теперь образовали круг, как сидящие в зале зрители. Их шляпки мерцали всеми цветами, и Кайл заметил, что все они слегка наклонены в его сторону, словно прислушиваются. Трава под ногами была синей, но на ней появились серебристые дорожки — они тянулись к одному-единственному грибу, который рос в самом центре. Он был меньше остальных, но ярче — шляпка отливала насыщенным ультрамарином, а ножка была испещрена золотыми прожилками.

Кайл подошёл ближе. Гриб пах чем-то незнакомым — не грибным, а скорее озоном после грозы. От него исходило тепло, и у Кайла внезапно заурчало в животе. Он не ел с утра — не хотелось, когда мама в очередной раз поставила перед ним тарелку и вышла из кухни, даже не посмотрев. Он тогда отодвинул кашу и ушёл в школу, а сейчас желудок напоминал о себе с настойчивостью злого учителя физкультуры.

— Слушай, — сказал Кайл грибу. — Я не знаю, кто ты. Но мне очень хочется тебя съесть. Это нормально?

Гриб качнулся, как будто отрицательно.

— Да ладно, — фыркнул Кайл. — Я голодный. И вообще, если вы тут волшебные, то должны уметь делиться.

Он протянул руку, чтобы отломить кусочек от шляпки. Гриб дёрнулся — реально дёрнулся, как живой, и отскочил на полметра в сторону. Кайл моргнул. Ему показалось? Но нет — гриб стоял уже не там, где был, и его шляпка слегка подрагивала, будто он смеялся.

— Ах ты, — рассердился Кайл. — Ну-ка стой!

Он бросился на гриб, тот увернулся, и Кайл шлёпнулся лицом в траву. Синяя трава оказалась удивительно мягкой, пахла мятой, и от неё на губах остался сладковатый привкус. Кайл поднялся, отряхиваясь, и снова кинулся на гриб. На этот раз он действовал хитрее — сделал ложный замах, а потом нырнул вниз и схватил ножку двумя руками.

Гриб взвизгнул. Не метафорически. Он издал настоящий писк, похожий на звук игрушки-пищалки, и вырвался из рук, но Кайл успел оторвать кусок от его шляпки. Маленький, размером с ноготь большого пальца. И в тот же миг гриб взорвался.

Не громко. С хлопком, как лопнувший мыльный пузырь. Облако серебристой пылицы вырвалось из него и окутало Кайла с ног до головы. Он закашлялся, зажмурился, но пылица не жгла и не царапала — она просто оседала на коже, смешиваясь с уже имевшимися узорами на его руках. Когда он открыл глаза, весь мир стал другим.

Трава больше не была просто синей. Она светилась изнутри, и Кайл видел, как по стебелькам бегут крошечные искры, как муравьи. Воздух стал плотнее — его можно было почти потрогать, и он переливался золотистыми нитями, как паутина на солнце. А ещё Кайл вдруг услышал голоса. Множество голосов. Они шептали, бормотали, смеялись, но слов он не разбирал — только интонации. Одни были добрые, другие злые, третьи просто любопытные.

— Что за чёрт, — выдохнул он, крутя головой.

И тут он увидел свою руку. Пыльца покрыла её тонким слоем, и узоры проявились чётко, как рисунок на карте. Они вились от запястья до локтя, закручиваясь спиральями, и в центре каждой спирали горела маленькая точка. Кайл провёл пальцем по стволу ближайшего дерева — и на коре проступило его собственное имя, выжженное огнём, прямо у него на глазах. Буквы светились золотом, а потом погасли, оставив глубокие шрамы.

— К-Кайл? — прочитал он вслух. — Это моё имя. Вы... вы знаете, как меня зовут?

Лес зашептал громче, и в этом шёпоте ему почудилось: «Знаем, знаем, маленький колючка...» Но теперь в голосе не было насмешки. Скорее узнавание.

Кайл отступил на шаг, и тут заметил, что пыльца из взорвавшегося гриба не просто осела на нём — она образовала серебряную дорожку, которая вела от поляны вглубь леса, между двух огромных дубов, которые стояли как стражи. Дорожка пульсировала в такт с его сердцем.

— Вы хотите, чтобы я пошёл туда? — спросил он в пустоту.

Вместо ответа лес качнулся. Ветви раздвинулись, пропуская его, и Кайл понял, что выбора нет. Он не знал, где выход, не знал, как вернуться к городской стене, и единственный намёк на направление — эта светящаяся тропа. Он сжал кулаки, чувствуя, как серебро на руках нагревается от его собственного гнева, и сделал шаг. Потом ещё один.

Тропа вилась между стволами, иногда исчезая под корнями и появляясь снова. Лес вокруг менялся: высокие деревья сменялись кустарниками с колючими листьями, потом снова открывался просвет, и Кайл видел какое-то строение вдалеке — то ли хижину, то ли огромный пень, превращённый в дом. Но дорожка уводила его в сторону, и он послушно шёл, хотя каждый нерв вопил: «Остановись! Вернись!»

— Я не трус, — шептал он себе. — Я Кайл Брайант. Я не трус.

Он повторял это как мантру, пока не вышел на очередную поляну — маленькую, круглую, полностью залитую тем самым фосфорным светом, который исходил от земли. В центре поляны лежал его рюкзак. Целый, невредимый, с порванной лямкой, но на месте. Рядом с рюкзаком стояла девочка.

Кайл замер. Она была примерно его возраста, с длинными светлыми волосами, которые висели как мокрые верёвки, хотя вокруг было сухо. Одетая она была странно: в длинную рубашку из грубой ткани, подпоясанную лозой, и в штаны, похожие на мешковину. На ногах — плетёные сандалии. Но самое необычное было у неё за спиной.

Крылья. Прозрачные, с едва заметными синими прожилками, они трепетали, как у стрекозы, и издавали тот самый шелест, который Кайл слышал в яме. Девочка смотрела на него в упор, и в руке она держала рогатку — самодельную, из рогатки и кожаной резинки. В рогатке лежал камешек, который светился зелёным.

— Не двигайся, — сказала она спокойно, но голос у неё был твёрдый, как камень. — Ты мне чужой.

Кайл поднял руки, показывая, что он без оружия. Узоры на запястьях засияли ярче, и девочка прищурилась.

— Ого, — произнесла она чуть тише. — Метка.

— Что — метка? — спросил Кайл, медленно опуская руки. — Слушай, я просто заблудился. Я не хочу проблем. Можно мне взять рюкзак и уйти?

— Нельзя, — отрезала она. — Ты в заповедном лесу. Люди здесь — враги. Я должна позвать стражей.

— Каких стражей? — Кайл шагнул вперёд. — Эй, я не враг! Я вообще не знал, что тут есть лес. Я просто... я просто убежал из школы, понимаешь?

Девочка нахмурилась. Её крылья перестали трепетать и сложились за спиной, как веер.

— Из школы? — переспросила она, и в голосе проскользнуло любопытство. — Это там, где учат людей читать?

— Ну да, — Кайл едва сдержал усмешку. — И писать. И драться на переменах.

— Драться? — она убрала рогатку вниз, но камешек оставался наготове. — Зачем?

Кайл пожал плечами, и плечо снова отозвалось болью. Он поморщился, и девочка заметила это.

— Ты ранен, — сказала она не как вопрос, а как констатацию факта.

— Упал в вашу дурацкую яму, — огрызнулся Кайл. — Корни там как змеи. Кстати, спасибо, что не спросила, жив ли я.

— Если бы ты умер, лес не оставил бы на тебе метку, — просто ответила девочка. Она подошла ближе, и Кайл увидел, что её глаза — неестественно яркого зелёного цвета, как трава на этой поляне, и в них нет страха. Только настороженность.

— Это что за метка? — Кайл показал запястья. — Почему у меня руки светятся?

Девочка остановилась в двух шагах. Она смотрела на узоры, и её лицо постепенно менялось — от враждебности к чему-то вроде удивления, смешанного с тревогой.

— Это метка привратника, — сказала она медленно. — Так лес метит тех, кто способен открыть границу между мирами. Ты... ты не просто заблудился. Лес выбрал тебя.

— Я не выбирал лес! — вспыхнул Кайл. — И я не хочу открывать никакие границы! Я просто хочу домой!

— Домой, — повторила она, и в этом слове Кайл услышал отголосок собственной тоски. — А там тебя ждут?

Вопрос прозвучал так остро, что Кайл почувствовал, как колючий ёж внутри снова расправляет иглы.

— Ждут, — сказал он резко, чем собирался. — Моя мама меня ждёт. Она просто... она просто занята.

Девочка фыркнула. Звук был точь-в-точь как у кота, который увидел мышь, но не хочет на неё охотиться.

— Занята, — эхом отозвалась она. — Как и все люди. Моя мать тоже была занята. Пока не ушла.

Кайл хотел что-то сказать, но язык прилип к нёбу. Он смотрел на неё — на её крылья, на её странную одежду, на её глаза, в которых плескалась та же обида, что и у него, — и вдруг осознал: она тоже одинокая. Только её одиночество пахнет лесом и гнилыми грибами, а его — школьным коридором и маминым молчанием.

— Как тебя зовут? — спросил он, чуть мягче.

Девочка помедлила, потом вздохнула и убрала рогатку в карман.

— Лира, — сказала она. — Я Лира. И если ты не врешь, что не знал о лесе, то ты в большой беде. Потому что метка привратника — это не шутка. Если ты не пройдёшь испытания, лес тебя не выпустит. Он сгноит тебя здесь. Вместе с твоей обидой и злостью.

Кайл усмехнулся. Злость — это то, чего у него было с избытком.

— Испытания? — переспросил он. — Какие ещё испытания? Я уже прошёл яму и грибопсихопат. Чего ещё?

И тут лес загудел. Земля под ногами дрогнула, и из-за деревьев донёсся низкий, протяжный вой. Не собачий. Не волчий. Скорее похожий на звук ветра в печной трубе, только живой и злой. Лира побледнела, её крылья вновь расправились, и она схватила Кайла за руку. Серебряные узоры на его руке соприкоснулись с её пальцами, и по телу пробежала электрическая искра.

— Стражи почуяли чужого, — прошептала она. — Бежим! Сейчас же!

Она дёрнула его за собой, и Кайл, не успев даже подхватить рюкзак, побежал следом. Ветки хлестали по лицу, корни путались в ногах, но Лира двигалась уверенно, как рыба в воде, а Кайл просто старался не отставать. Вой приближался, и Кайл, оглянувшись, увидел сквозь деревья огромный силуэт — что-то тёмное и мохнатое, с горящими жёлтыми глазами. Вой вырвался из пасти, которая была усеяна зубами, и Кайл понял: это не ветер. Это зверь.

— Сюда! — крикнула Лира, и они нырнули в заросли колючего кустарника, который вдруг расступился перед ними, как занавес. Они выскочили к огромному дереву — дубу, который был в пять раз шире обычного. В его стволе зияло дупло, достаточно большое, чтобы в него мог влезть человек. Лира втокнула Кайла внутрь, а сама влетела следом, на ходу шепча что-то на языке, который звучал как треск сучьев.

Дупло захлопнулось. Внутри стало темно, но руки Кайла снова засветились, и он увидел, что они сидят в маленькой комнатке, стены которой были из коры, а на полу лежали сухие травы, пахнущие лавандой и мёдом. Снаружи раздался глухой удар — зверь врезался в ствол. Дерево вздрогнуло, но выдержало.

Кайл перевёл дыхание. Сердце билось где-то в горле.

— Это что... это был волк? — спросил он.

Лира посмотрела на него. В свете его светящихся рук её лицо казалось бледным, как луна.

— Это страж, — тихо сказала она. — И он не уйдёт. Он будет ждать. Ты теперь часть леса, Кайл. И лес не отпускает свою добычу.

Она замолчала, а Кайл вдруг услышал вдалеке — за стеной дуба, за воем стража — мамин голос. Она звала его по имени. Только голос был таким далёким, что Кайл уже не был уверен, не почудилось ли ему.

— Я вернусь, мам, — прошептал он, сжимая кулаки. — Я обязательно вернусь.

И в этот момент корень за его спиной шевельнулся и коснулся плеча, будто лес слышал его обещание. И улыбался.

Лира хватает его за плечо и шепчет: «Ты не просто гость. Ты наследник. Но если лес узнает, что ты хочешь уйти — он тебя не отпустит». И в этот момент над ними нависает ветка, похожая на руку с пальцами.

Глава 3. Изгнанница и задира

Дупло было маленьким, но внутри оказалось уютнее, чем в любой комнате, в которой Кайл когда-либо жил. Стены из коры источали тёплый, чуть сладковатый запах, похожий на медовые пряники, которые мама пекла до развода. На полу лежал толстый слой мха, мягкий, как перина, а в углу висели пучки сухих трав — они покачивались сами по себе, хотя сквозняка не было. Кайл присел на корточки, пытаясь унять дрожь в коленях. Сердце всё ещё колотилось, а в ушах стоял тот самый вой, который, казалось, проник в кости и застрял там.

— Он ушёл? — спросил он шёпотом, хотя внутри дупла страж его точно не слышал.

Лира сидела напротив, поджав ноги. Её крылья сложились за спиной и теперь напоминали два прозрачных листа, слегка мерцающих в серебряном свете, который исходил от рук Кайла. Она смотрела на него в упор, и в её зелёных глазах танцевали отблески этого света.

— Нет, — ответила она спокойно. — Он ждёт снаружи. Стражи терпеливые. Могут сидеть сутками.

— Сутками? — Кайл почувствовал, как внутри поднимается паника, но он быстро задал её привычной злостью. — Я не могу сидеть сутками! Мне нужно домой! Мама будет волноваться... — он осекся. Будет ли? Он вспомнил, как она смотрела в стену за ужином, и голос предательски дрогнул.

— Перестань, — отрезала Лира. — Я уже поняла. Ты хочешь домой. Все хотят домой. Но лес не отпускает просто так.

Она встала, подошла к стене из коры и провела пальцем по её поверхности. Там, где она коснулась, проступил слабый световой след — такая же серебряная вязь, как на руках Кайла, только более бледная.

— Слушай, — сказал Кайл, поднимаясь на ноги. — Объясни мне нормально. Что это за лес? Почему вы все говорите загадками? И почему у меня руки светятся, как у ёлки?

Лира обернулась и скрестила руки на груди. В этом жесте было что-то взрослое, почти материнское, и Кайл вдруг почувствовал себя маленьким. Он ненавидел это чувство.

— Заповедный лес, — начала она, и голос её стал сухим, словно она зачитывала правила из учебника. — Он существует тысячи лет. Люди его не видят, потому что он спрятан за барьером. Но иногда барьер слабеет, и кто-то вроде тебя проваливается внутрь. Обычно это случайность. Но у тебя... — она кивнула на его руки, — ...у тебя не случайность. Лес сам тебя выбрал.

— Зачем? — перебил Кайл. — Я не герой. Я обычный пацан, который дерётся в школе и получает двойки. Что я ему сдался?

Лира прищурилась.

— Ты врешь, — сказала она без обиды, просто констатируя факт. — Ты не обычный. Ты злой. Лес любит злых. Они легче превращаются в оружие.

— Я не оружие! — вспыхнул Кайл. — Я просто... я просто устал, что все лезут в мою семью. Что все говорят про маму. Что отец вечно пытается настроить меня против неё. А она молчит. Она всегда молчит! — он выкрикнул это и тут же замолчал, уставившись в пол. Зачем он это сказал? Она же чужая. Она же фея или кто там. Почему она смотрит на него так, будто понимает?

Лира не отвела взгляда. Она подошла ближе, и теперь они стояли почти вплотную. Кайл заметил, что она чуть ниже его, а крылья за спиной подрагивают, как у стрекозы перед полётом.

— Моя мать тоже молчала, — тихо сказала Лира. — Перед тем как уйти. Она просто собрала вещи и исчезла. Сказала, что пойдёт к людям, потому что лес слишком тесный. И оставила меня одну. Так что не надо рассказывать мне про молчание.

Кайл открыл рот, чтобы огрызнуться, но не нашёл слов. Он смотрел в её зелёные глаза, и видел там то же самое, что чувствовал сам. Только её обида была старше, выжженная годами. Он вдруг понял, что она не просто фея из сказки. Она такая же потерянная, как он.

— Прости, — сказал он, и слово вышло хриплым, словно чужое. — Я не хотел...

— Ничего, — отрезала она, но голос её чуть смягчился. — Мы оба колючие. Давай так: я покажу тебе, как выжить в лесу, а ты расскажешь мне про людей. Честно. Без вранья.

Кайл кивнул. Это был странный договор, но он чувствовал, что соглашаться стоит. Лучше быть с кем-то, чем одному в темноте, где корни шевелятся как змеи.

— Договорились, — сказал он. — Только сначала скажи, как мне избавиться от этого, — он показал на запястья, которые всё ещё светились.

Лира усмехнулась. Первая усмешка за всё время, и она сделала её лицо почти живым.

— Не избавишься, — сказала она. — Это твоя метка. Лес тебя пометил. Она будет гореть, пока ты здесь. И если ты попытаешься сбежать, лес об этом узнает.

— То есть, я как чипованный зверь? — фыркнул Кайл.

— Не знаю, что такое «чипованный», но звучит похоже, — пожала плечами Лира. — Теперь слушай. Метка привратника означает, что ты можешь открывать проходы между мирами. Это очень редкий дар. И очень опасный. Если лес узнает, что ты хочешь использовать его, чтобы убежать, он убьёт тебя. Не напрямую. Он просто закроет все выходы, и ты останешься здесь навсегда. Сгниёшь в земле, как упавшая ветка.

— Красивая перспектива, — буркнул Кайл. — Спасибо за оптимизм.

— Я не оптимист, — ответила Лира. — Я реалист. Я живу здесь уже три года. С тех пор как мать ушла. И я знаю лес. Он не злой. Но он не прощает ошибок.

Кайл опустился на мох, обхватив колени руками. Он чувствовал себя выжатым, как лимон после школьного дня. Плечо всё ещё ныло, в животе урчало, а в голове роились вопросы, на которые не было ответов.

— Ладно, — сказал он после долгой паузы. — Ты говорила про испытания. Что это за испытания?

Лири села напротив, вытянув ноги в плетёных сандалиях. Её крылья расправились, и Кайл увидел, как по ним пробегают синие искры — она была красивой, как что-то неземное, но в то же время живой и настоящей.

— Лес будет проверять тебя, — начала она. — Твою смелость, твою честность, твою... как это сказать у вас? — она задумалась. — Настоящсть.

— Настоящсть? — переспросил Кайл. — Это вообще слово?

— Я не знаю ваши слова, — отрезала Лира. — Я говорю так, как умею. Лес не любит притворство. Если ты врёшь, он это чувствует. Если ты злишься, он использует это против тебя. Ты должен быть настоящим. Таким, какой ты есть. Даже если ты злой или глупый.

— Глупый, — хмыкнул Кайл. — Спасибо, подруга.

— Не называй меня подругой, — огрызнулась она, но в глазах мелькнуло что-то похожее на улыбку. — Я тебе не подруга. Я твой проводник. Пока не пройдёшь испытания.

— А что потом? — спросил Кайл. — После того, как я пройду их?

Лира посмотрела в сторону, туда, где стена дупла начинала чуть светиться, будто кто-то снаружи пробовал её на прочность.

— Потом лес решит, можно ли тебя отпустить, — сказала она. — Или ты останешься здесь навсегда. Как я.

— Ты не можешь уйти? — удивился Кайл.

— Не могу, — ответила она, и в её голосе проскользнула такая глубокая горечь, что Кайл почувствовал её в собственной груди. — Я изгнана. Мой клан выгнал меня, потому что я наполовину человек. Моя мать была человеком. И когда она ушла, клан решил, что я тоже предаю. Они не дали мне метки. Они просто... оставили меня здесь. Я могу ходить по лесу, но не могу пересечь границу. Стены невидимы, но они для меня есть.

Кайл слушал и чувствовал, как знакомый ёж в груди сворачивается в клубок. Она была такой же. Изгой. Никому не нужный. Только её не замечали в школе, а её не приняли в клане. Разница была только в том, что лес стал её тюрьмой, а школа — его.

— Это нечестно, — сказал он.

— Честность — не про лес, — ответила Лира. — Лес про справедливость. Но справедливость и честность — не всегда одно и то же.

Она поднялась, отряхнула рубашку и подошла к выходу из дупла. Приложила ухо к коре, прислушалась. Вой стража стих, но Кайл чувствовал, что зверь всё ещё где-то рядом, терпеливый, как смерть.

— Нам нужно идти, — сказала Лира. — Я знаю безопасные тропы. Если мы останемся, страж позовёт других.

— А я могу просто остаться здесь? — спросил Кайл. — Переждать?

— Дупло — это убежище, но не вечное, — покачала головой Лира. — Лес меняется. Утром это дупло может стать ловушкой. Ты хочешь, чтобы тебя съели корни?

— Нет, — вздохнул Кайл, поднимаясь. — Не хочу.

Она распахнула вход — кору раздвинула рукой, и оттуда хлынул зеленоватый свет. Снаружи было тихо. Только ветер шелестел в кронах, и птицы, которых Кайл раньше не слышал, запели где-то вдали. Страж исчез. Или притаился.

— Быстро, — скомандовала Лира, и они выскользнули из дупла.

Лес встретил их прохладой и запахом мокрой земли. Кайл оглянулся — дуб стоял на месте, огромный и неподвижный, но его кора пульсировала, как живая. Он поёжился и пошёл за Лирой, которая двигалась уверенно, почти бесшумно, несмотря на сандалии.

Они шли около десяти минут. Лира вела его по тропинкам, которые то появлялись, то исчезали, обходя корни, кусты и странные холмики, из которых выглядывали светящиеся глаза. Кайл старался не отставать, но его ноги увязали в мягкой земле, а плечо ныло при каждом шаге.

— Долго ещё? — спросил он.

— Почти пришли, — ответила Лира. — Я покажу тебе источник. Там можно умыться и поесть. Ты голодный, я вижу.

— Откуда? — удивился Кайл.

— Твой живот урчит громче стража, — фыркнула Лира, не оборачиваясь.

Кайл покраснел, но смолчал. Она была права. Голод давал о себе знать так отчаянно, что хотелось жевать кору.

Они вышли на небольшую поляну, в центре которой бил родник. Вода была кристально чистой, но вместо привычного цвета она переливалась серебром и синевой, как жидкость из его рук. Вокруг родника росли кусты с тёмно-фиолетовыми ягодами, которые пахли малиной и мятой одновременно.

— Пей, — сказала Лира, указывая на воду. — И ягоды ешь. Они безопасные.

— Я могу им доверять? — Кайл покосился на кусты.

— Мне — да, — ответила она. — Я не вру. В отличие от людей.

Кайл хотел возразить, но не стал. Он опустился на колени у родника, зачерпнул воду ладонями и сделал глоток. Вода была не просто холодной — она будто проходила сквозь него, смывая усталость и боль. Плечо перестало ныть. Живот перестал урчать. Он выпил ещё, потом ещё, и когда поднялся, чувствовал себя почти человеком.

— Вау, — выдохнул он. — Что это за вода?

— Родник, — пожала плечами Лира. — Их много в лесу. Они лечат раны и утоляют голод.

— А ты не могла мне сразу сказать? — проворчал Кайл, срывая ягоду с куста. Она оказалась сочной, сладкой, с лёгкой кислинкой. — Я же мучился тут!

— Ты не просил, — усмехнулась Лира. — Ты только орал про маму и дом.

Кайл закатил глаза, но ягода была настолько вкусной, что он не стал спорить. Он наелся, умылся, и впервые за весь день почувствовал, что может мыслить ясно. Серебряные узоры на руках чуть потускнели, но не исчезли.

— Лира, — сказал он, садясь на траву. — А если я всё-таки попытаюсь уйти? Что будет?

Она села рядом, сложив руки на коленях. Её крылья опустились, и она стала похожа на обычную девочку — худую, бледную, с тёмными кругами под глазами.

— Ты умрёшь, — сказала она без тени драмы. — Лес не прощает предательства. Но... — она помедлила, — я могу показать тебе путь, если ты обещаешь не убежать. Не сейчас. Когда ты пройдёшь испытания.

— Как я узнаю, что они пройдены?

— Лес скажет, — ответила она. — Он говорит с теми, кто носит метку. Ты услышишь его голос. Не шёпот, а настоящий голос. Тогда и решишь.

Кайл хотел спросить, что это за голос, но вдруг замер. Вдалеке, за деревьями, он услышал звук, от которого сердце пропустило удар. Голос. Человеческий. Тонкий, срывающийся, но знакомый до боли.

— Кайл! — звала мама. — Кайл, ты где?!

Он вскочил, как ужаленный. Ноги сами понесли его в сторону звука, и он уже почти рванул через кусты, когда Лира схватила его за запястье. Серебряный узор на её ладони засветился в ответ на его метку, и Кайл почувствовал, как его притягивает к ней, как магнитом.

— Отпусти! — закричал он, дёргаясь. — Она там! Моя мама! Она ищет меня! Я должен к ней!

— Ты не слышишь? — прошептала Лира, и в её голосе была тревога. — Она не здесь. Это лес зовёт тебя. Он играет с тобой. Он хочет, чтобы ты побежал и попал в ловушку.

— Врешь! — заорал Кайл, вырывая руку. — Это мама! Я слышу её! Она кричит! — он рванул вперёд, но Лира снова схватила его, на этот раз крепче, и прижала к земле. Он упал, ударившись плечом, и зашипел от боли.

— Посмотри на следы! — крикнула она, указывая на землю. — Посмотри!

Кайл поднял голову. Там, куда он бежал, на траве горели отпечатки его ног — яркие, золотые, и они вели не к маме, а в чашу, где стволы деревьев росли так густо, что между ними не просунуть и кулак. И у самого входа в эту чашу стояла фигура, которая обернулась. У неё было лицо мамы — те же глаза, те же волосы — но улыбка была чужой. Слишком широкой. Слишком безумной.

Фигура растворилась, и мамин голос превратился в вой ветра.

Кайл смотрел, как золотые следы тускнеют и исчезают. Он дышал часто и тяжело, по щеке скатилась слеза, которую он не заметил. Он не плакал. Он не плакал никогда.

— Я же говорила, — тихо сказала Лира, отпуская его. — Лес коварный. Не беги на голос. Он украдёт тебя раньше, чем ты поймёшь.

Кайл сидел на траве, уставившись в одну точку. Мама не искала его. Это был лес. Лес, который хотел сожрать его голод и обиду. Он понял, что если бы побежал, если бы поверил — он бы провалился в эту чашу и никогда не вышел. От этого понимания стало тошно.

— Спасибо, — выдавил он. Слово далось с трудом.

— Не благодари, — ответила Лира. — Я спасаю тебя только потому, что ты мне нужен.

— Зачем? — хрипло спросил Кайл.

Она помолчала, смотря куда-то вверх, в кроны деревьев, где ветки сплетались в узор, похожий на паутину.

— Потому что, если ты пройдёшь испытания, ты сможешь открыть границу, — сказала она. — И я тоже смогу выйти. Найти свою мать. И спросить у неё, зачем она ушла.

Она посмотрела на Кайла, и в её глазах мелькнула такая тоска, что он снова почувствовал укол в груди. Но не злости. А чего-то тёплого.

— Я помогу тебе, — сказал он. — Только если ты сможешь мне вернуться. Идёт?

Лира медленно кивнула.

— Идёт, — ответила она, и они пожали руки.

В тот же миг серебряная вязь на их ладонях соединилась, вспыхнула ярким светом, и лес вокруг них загудел, словно утверждая этот договор. Корни на земле вздрогнули, и вдалеке снова раздался вой — теперь уже далёкий, почти приветственный.

— Он слышал, — сказала Лира, убирая руку. — Теперь ты связан не только с лесом, но и со мной.

Кайл посмотрел на свои запястья. Узоры изменились — теперь они вились сложнее, и в их центре зажглась крошечная зеленая искра.

— Что это? — спросил он.

— Моя метка, — ответила Лира. — Теперь мы вместе. До конца.

Она повернулась и пошла вперёд, не оглядываясь. Кайл поднялся, отряхнул траву и пошёл за ней. Лес смыкался за их спинами, и каждый шаг уводил его дальше от дома, ближе к чему-то, чего он не понимал. Но в груди, рядом с колючим ежом, впервые за долгие месяцы зародилось что-то другое.

Надежда.

Он не знал, что делать с ней. Но она была там, тёплая, как свет его рук.

Лира останавливается на краю поляны и поднимает руку, указывая вперёд. «Первое испытание — завтра на рассвете. Ты готов, городской?» Кайл смотрит в ту сторону и видит огромную тень, нависающую над деревьями. Тень похожа на человека. Только у него слишком много рук.

Глава 4. Два одиночества

Они шли молча. Лес постепенно менялся: высокие дубы уступали место корявым берёзам с корой, покрытой серебристым налётом, а трава под ногами становилась всё мягче и пушистее, будто кто-то специально выстелил тропу ковром. Кайл старался не отставать от Леры, но его мысли всё возвращались к тому призраку мамы, который манил его в чащу. Щека всё ещё горела от непролитой слезы, и он ненавидел себя за эту слабость.

— Ты всегда такой молчаливый? — спросила Лера через плечо. Она двигалась легко, почти танцевала между корней, и её крылья чуть подрагивали на каждом шагу.

— А ты всегда такая болтливая? — огрызнулся Кайл.

— Я пытаюсь поддержать разговор, — фыркнула она. — С тобой это трудно. Ты как пень.

— Сам ты пень, — буркнул Кайл, но в голосе проскользнула усмешка. Он поймал себя на мысли, что с ней спорить почти весело. Почти как с Мэттом, только без крови и учителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.